

П Александр
ОКРОВСКИЙ
КАЮТА

КНИЖКА ЗАПИСЕЙ

PG
3485.2
K48
K3
2001

**АЛЕКСАНДР
ПОКРОВСКИЙ**

КАЮТА

книжка записей

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИНАПРЕСС
2001**

ББК 84 р. 7-5
П48

Редактор Н. Кононов
Художник М. Покшишевская

ISBN 5-87135-133-6

© А. Покровский, ИНАПРЕСС, 2001
© ИНАПРЕСС, оформление, 2001

KAIOTA

книжка записей

Испытывали изолирующий противогаз.
Новенький.
Целый час
В нем песок перебрасывали.
И горячим кислородом
Дышали.
Градусов пятьдесят.
Я потом десять лет
Отхаркивался.

Веню волной стащило за борт.
Не нашли...
Нас с Серегой отправили
К его жене,
Она открывает нам двери
И говорит:
«Наш папа еще не пришел».
А глаза уже безумные.

— **Когда вы преодолете свое сквернообразие? —**
Говорил мне, курсанту , мой непосредственный
командир,
И начальник,
И зам командира взвода
Во время строевых занятий на плацу.
И я безжалостно колотил ногами
И думал о том, как было бы славно
Поместить его среди кур
Тогда, только он взмахнет руками, —
И сейчас же вокруг него полетели-полетели
Перья
И пух,
Как из порванной перины.

Если корабль стоит на ремонте,
На нем собирают всякую шваль.
Молодому лейтенанту
Годки темную в кубрике устроили.
Он их по подъему поднял —
Вот его и побили.
За ногу на трапе схватили —
Он и упал.
На другой день я к ним спустился.
Железный прут в газету закатал.
Первого же, кто бросился,
По морде...
В общем,
Встали,
Как миленькие...

— **П**ортрет вождя перекосоеблен — и ни одна блядь
Не удосужилась поправить! —
Это Вася Смертин надрывается насчет того,
Что портрет Ленина висит криво.
А в здании никого — все на занятиях, только юноша-
дневальный.
А лето — и окна все открыты, и кажется,
Это кричит сам дом:
— Портрет важдя-я!..
А дом стоит на краю плаца, а вокруг еще много-много
домов
И от стен тех домов отражается: — О-блин!
О-блин! —
Это эхо.
А потом он подходит к ребенку-дневальному, соблюдая
дистанцию,
А ребенок пугается, глаза — плошки.
— Да вы не дневальный! Вы — хуй! Хуй!

А из окон: — У-й! У-й!

А в канцелярии женщина слышит.

Вася смущается, заглядывает туда: «Извините».

Осторожненько прикрывает дверь

И находит глазами мальчишку:

— Повторяю! Вы — хуй! хуй!

— «У-й! У-й!»

А после Васи Смертина был еще Валера

Живодеров.

«На безрыбьи и жопа пирожок!» —
Он любил это повторять.
Наверное, не сам придумал.
Куда ему,
Он же тупой.
А тут недавно сказали,
Что он умер.
По телефону разговаривал...

На строевых занятиях,
Когда «роба под ремень»,
Выступает соль на рабочем платье
И на спине
Собирается в кружева,
И получается рисунок —
Такая странная контурная карта.
Я всегда думал:
«Для чего все это? И к чему страдать в самое
пекло?»
А офицер так увлеченно проводил с нами все это время,
Что пот струился и у него по вискам.
И я спросил его:
«Какой в этом смысл?»
А он мне:
«Никогда не жалея себя,
И тогда подчиненные выполнят для тебя любую
глупость».
И я не жалел себя.
И мои подчиненные,
Глядя на то, как я сам себя так удачно насилую,
Выполняли любую глупость.

В автономке

Молодые матросы

На камбузе

Объедались так,

Что потом кому-нибудь

Обязательно вырезали аппендицит,

А над доктором шутили:

— Док! Когда отхватишь чего-нибудь?

И док говорил:

— Молодежь созревает,

А желающим, из старшего поколения,

Могу отхватить хоть сейчас.

Офицеры

Жаловались на неустройство,

На быт и все такое,

Но как-то робко так, неуверенно, сюсяво, забито.

И приехал генерал.

Всех построили сейчас же.

— Ну что вы тут ноете? — сказал генерал. — Что

Вы за офицеры! Вы офицеры или что?

Вот вам! — ткнул он в первого попавшегося. —

Родина дала квартиру!

— Никак нет! — возражал тот. — Только общежитие!

— Ну вот! — не расстроился генерал. —

Родина дала вам общежитие!

Как бы я хотел, чтоб разверзлись небеса

И чтоб они — те небеса — насрали бы

На того генерала

Огромную вавилонскую кучу.

Цепляясь за скалы краями,
Ползут по земле облака,
Туманы встают и, ручьями
Напившись, бунтует река.
В краю том, туманном и сером,
Где стояли сны молодых грез... —
Именно на этом месте запнулся
Корабельный поэт и прозаик,
Запнулся, остановился и попросил меня:
— Продолжи, а? —
И я продолжил:
— Я вынул порядочный ХЭРОМ,
Я там себя в жертву принес.

— **В**ставайте, кислорода нет! —

Меня будит подчиненный.

Вставать надо неторопливо, лениво чертыхаясь.

Надо сползти с верхней койки, рвануть дверь,

Потом забраться на боевой пост,

Обязательно зевнуть, чтоб показать им,

Что у тебя внутри никакой паники.

Это важно.

Вот и хорошо,

Главное — поправить пенсне,

И они тоже успокоились:

Подумаешь — кислорода нет...

Я на ощупь могу определить,
Как работает прибор,
По вибрации...
А еще могу —
И по свисту, и по гулу...
Столько лет уже прошло,
А я до сих пор во сне
Могу определить,
Как работает прибор...

ПУРГА

Боже мой, какая пурга,
И ноги совсем не чувят дороги,
И я на каждом шагу проваливаюсь по колено,
А под штанину набивается снег
И сейчас же там тает,
Потому что я вышел часа два назад,
Но окончательно уже заледенел;
А снежные хлопья летят в глаза
И оседают на ресницах.
Ни черта не видно,
И когда я дойду, совершенно стемнеет,
Потому что полярная ночь, и я иду к тебе.
Мне бы только до Полярного дотянуть.
Господи, какая пурга!
Неужели не ходят катера?
Только бы они ходили,
А под сердцем вдруг разливается невероятная
теплота,
И кто-то, кажется, нежно прижался к щеке, выдохнул:

«Прости».

За что?

Что это со мной?

Неужели я спал на ходу?

Наверное, так замерзают.

Надо поколотить ногами.

«Бродячие собаки хуже волков», —

Кто-то мне это сказал.

Не успеешь оглянуться, а стая уже налетела.

Говорят, нападают с ходу.

Какие глупости лезут в голову.

Лучше я представлю себе твое лицо.

Вот это да!

Оказывается, я не могу вспомнить.

Только глаза.

Они — темные, жгучие,

И волосы от пота липнут к щекам.

Ты всегда так трудишься, когда мы вместе,

Будто на свете никого-никого нет, кроме нас,

Но тебе все угрожают

И хотят меня отнять,

Будто это последний день в нашей жизни.

А потом ты трогаешь меня руками,

Точно не доверяешь своему зрению
И тому, что я рядом.
Ты жмешь мою плоть очень сильно, и я
Почти кричу,
Но потом отпускаешь.
Наверное, тебе хочется доказать,
Что я существую, и что существуешь ты,
Что я плотный.
Ты прикладываешь ухо к моей груди
И говоришь мне: «Дыши», —
Я дышу,
А ты слушаешь биение сердца.
Я спрашиваю: «Зачем это тебе?»
А ты говоришь: «Мне надо», — и сердишься.
Не надо на меня сердиться — я твой
И выполню любое твоё желание.
Ты вдруг приказываешь мне
Сосать твой палец,
А потом говоришь:
«И все другие. По очереди», —
И я смеюсь,
Потому что я не успеваю перехватывать их
губами.
А потом вдруг серьезно берешь мою руку,
Глядишь на меня исподлобья,

Будто хочешь пресечь мои возражения,
И указательным пальцем
Водишь себе
По деснам,
По нёбу,
По языку,
Словно предлагаешь попользоваться собой
изнутри
И с помощью плоти передать мне свой трепет.
Застонав, повалишь меня на спину,
Сядишься мне на грудь, почти на лицо,
И наползаешь,
Словно я — твой самый большой враг
И меня надо захватить, раздавить, поглотить.
Ты словно хочешь затянуть меня в себя.
Я понимаю.
Ты доказываешь,
Что никто не имеет на меня никакого права,
Кроме тебя,
Но оно бесспорное,
Ты домогаешься меня так, как только
Можно домогаться
Мужчины,
И я попался,
Никто не в обиде,

И ты соскальзываешь в полном изнеможении
И, двинувшись назад, достигаешь бедер, а потом
вдруг,

Что-то придумав, помещаешь обе свои

Ступни мне на грудь,

Слегка надавливая большими пальцами ног на шею,

Уставясь мне в глаза.

— Скажи...

— Да нет же.

— Тогда ешь. Ну?

И я ел, лизал, покусывал твои ноги,

А ты смотришь на меня жадно, а потом

Жалко,

Погаснув,

Ты говоришь, что холодно, и с головой

Уходишь

Под одеяло

И там находишь себе пропитание.

Мой член никак не может к тебе

Приноровиться,

По временам ему очень больно,

И ты чувствуешь, что ему больно, но тебе хочется еще и еще,

В тот момент тебе не было никакого дела

До моей боли.

Мне больно и сладко, и я почти умираю.

Все рядом.

Может быть, в этом никто не виноват,

Может быть, это старше нас?

Может быть, это так же, как моя жизнь?

И, может быть, жертве, которую съедят,

Тоже больно и сладко?

Может быть.

И я — твоя послушная

Собственность,

И поэтому меня нужно мять, хватать за щеки, тянуть в
низ живота,

Все мое тело вздрагивает,

И ты чувствуешь, что мне нехорошо,

И сильно ко мне приникаешь,

Словно хочешь погасить меня,

Словно тебе очень важно поймать, уловить,

Зафиксировать,

Пришпилить булавкой,

Это мое вздрагивание, выгибание,

Словно ради него все и было,

Ты начинаешь целовать, целовать, целовать,

Лизать мою шею,

Покусывать плечи,
И я слышу твое дыхание, хрипы, колотье в груди.
Без звука, резко, нетерпеливо сдвигаешь мое лицо
Себе в пах,
И я уже знаю, что надо делать:
Языком измерять глубину,
И меня всегда удивляет, как твоя плоть, нежная,
Анемичная,
Выдерживает мой натиск.
Мой язык слишком груб,
Но тебе, тебе нужно сильно и грубо,
Глубоко.
Но я уже не могу, я задыхаюсь,
А ты льешь что-то сладкое,
И я должен все это пить,
И в тебе все клокочет,
Именно так, и звуки эти очень древние,
Так клокочат вода или птица.

И ты сильно тянешь меня к себе,
Быстро и резко раздвигаешь мои ягодички,
Я не противлюсь тебе,
И вот твои узкие пальцы, твоя кисть входит в меня,
В мой анус.

Так глубоко,
Что разворачивает и раздирает изнутри.
— Тебе хорошо? — с хрипом ты говоришь.
— Тебе хорошо!
—

И я не могу сказать, что мне больно
И стыдно,
И даже не знаю, чего больше, стыда или боли,
И я говорю, что мне хорошо,
Конечно, конечно,
Очень,
Очень,
Да,
Господи!

Я иду к тебе по ниточке.
Она только между мной и тобой проложена.
Я, как во сне,
А может, это я засыпаю,
Так бывает.
Пурга, снег в ботинках.

Коломбина, Коломбина,
Приходи к нам ночевать.
Мы тебя же, Коломбина,
Будем долго согревать,
Ручки будем целовать,
Целовать, целовать...

На кактусе живет тля —
Я ее обрабатывал всякими ядами,
Промывал горячей водой,
Шепча разные проклятья, со зверской рожей
Намотал на спичку ватку, смоченную в марганцовке,
И выскребывал ее из кактусовых пазух и подмышек.
Тля умирала, но не сдавалась,
Тля держалась изо всех сил,
Она даже на соседний кактус
Не перепрыгивала,
Потому что этот для тли был родиной.

Капает.

Сквозь сон я ясно слышу — капает.

Господи! Да это ж вода в отсеке.

Остатки сна с лица, как паутину...

Вскочил —

А это в ванной капает.

И, надо же, слышно

Сквозь закрытую дверь.

Броситься, побежать,

Скатиться вниз

И в яму,

Потянуть на себя,

Задраить.

Снова броситься, побежать, схватить,

Потянуть, задраить,

И еще и еще раз —

И все это за секунду до пробуждения.

Говорил помощнику:

Не надо ставить молодежь на выгрузку спасательных плотов,

Он же тяжкий, зараза, больше ста кило!

Как его удержать?

А тут еще в люк не лезет,

Хоть плачь,

Ну и сорвался,

Только и успел что ухватить его рукой,

И боль, как паук,

От пяток до затылка,

И в спине что-то хрустнуло,

И дальше — все,

Улетел вслед за ним.

Сижу — в глазах круги

Лиловые.

— Что, не удержал? — (это командир)

А у меня даже голоса нет, верите?

Только клетот какой-то получается.

— Виноват... — говорю, потому что больше

Ничего

Не выговаривается.

У тебя же был пожар...
Ну вот!
Скажи только: «Боюсь.
Вхожу в отсек и боюсь
Замкнутого пространства».
Пойми, это никак не проверить,
Поэтому никто из врачей
Не сможет доказать, что ты
Симулируешь,
И тебя спишут.
Вчистую.
И пенсию твою никто не тронет...

Больно...

Тисками сжимает,
Это мы в Баренцево море вошли,
По щиколотки,
А когда ляжешь на грудь,
То и вовсе с дыханием судороги,
Словно всхлипываешь,
И воздух не проглотить,
А он полдня плавал,
Когда смыло,
Пока его подобрали,
А он и сказать-то толком ничего не мог.
А нам интересно было,
Что он чувствовал,
Вот мы в воду и полезли...

Тепло — это внутри,
Гладить надо что-нибудь
Мягкое,
Внутри себя придумать
И гладить,
гладить, —
Тогда уснешь
Быстро-быстро
И не будешь вздрагивать
Всем телом,
С головы до пят,
И
руками бить не будешь
Спящую жену.

Ой вы, горы-горы,
ой сопки, ой пригорки, ой лощины,
ой,
как мы ехали-ехали-ехали,
ой,
как мы добирались до службы, ночью,
потому что все время ночь,
с разгону грудью о борт,
потому что сзади бежит к машине толпа
офицеров,
а кто-то ухватился руками,
и в спину его ударили,
и он, пьяненький, въехал под задние колеса,
а руки вцепились в борта — не оторвать,
и лезут через него
головы-ноги-шинели,
а потом и его подхватят и забросят в глубь,
пока машина урчит и набирает ход.

В соседней роте нашли вора.
Он часы украл.
А дело происходило
На ОС-15.
Ему в трюме сказали:
«Завтра будем тебя судить».
Он ночью за борт выбросился.

А что вы думаете,
Знаете, как у нас бьют,
Если у своих воруюшь?
Возьмут в круг и — бляхами.
Только свист стоит.
А от вида крови
Все только распалются.

Самые трусливые
Должны быть самыми храбрыми,
Самые гадкие
Должны быть самыми мужественными,
Гнусные — добрыми,
Черствые — честными.
Никуда
не денешься:
Кругом — вода.

Другие люди вокруг,
По-другому живут,
По-другому дышат,
По-другому слышат,
Их бы в подводники на несколько лет,
И они бы все делали, как мы.

Сердце тюкает

Слышу, как оно это делает:

— Тюк-тюк-тюк...

Лед кололи на дороге ломами.

Теперь из рук ручка вываливается,

Открытку не могу подписать,

Пальцы не держат.

На почте спросили:

— Вы пьяный?

А я сказал:

— Просто устал...

Протискиваюсь между трубами —
Там есть место, но узко, черт!
Надо туда обязательно влезь,
Чтоб до компрессора добраться,
И лезу, хоть в солнечное сплетение,
Больно устался кусок трубы.
Надавливаю, наваливаюсь на него
И сдвигаю в сторону — фу! —
Вот и протиснулись,
Сейчас все исправим,
И раскладываю инструменты,
И тут же — просыпаюсь,
Долго лежу, ничего не понимая,
А потом начинаю искать тот кусочек трубы,
Что так больно впивался в сплетение...

У подводной лодки железные внутренности,
Желтые отсеки,
Желтые приборы.
Говорят, этот цвет успокаивает,
Даже песенка такая есть,
«Желтая субмарина», —
Это значит, она такая внутри —
А раньше все красили серым,
Потому что считалось,
Что они на лодках долго не задерживаются.
А потом на лодках стали жить
Годами,
Стали все красить
В желтое.

Траву люблю,
И чтоб она подстрижена была,
И чтоб на ней роса,
И цветы,
Давно росу на траве не видел,
То автономка, то еще чего-нибудь...

А вы знаете, как трудно
Нести карабин на согнутой руке?
И ходить по плацу по квадрату,
Раз-два-три! — поворот, раз-два-три — пируэт!
Рука деревенеет, затекает и немеет,
Будто паучок пронзил локоть иголкой
И напустил в него своего новокаина.
А потом рука и вовсе становится ватной
И гнется туда-сюда,
И пальцы сами собой разжимаются.
Потренируйся вот так часов шесть подряд —
И рука запомнит, и через много-много лет,
Будет легко сминать пустую консервную банку,
Словно она картонка.
А если б спросили: «Что нужно
Мальчугану, чтобы быстренько повзрослеть?»
Я бы ответил:
«Нужно боли учить».

Вот стою и изучаю
Бородавку на подбородке
У начальника.
А она какая-то коротко стриженная
И похожа на маленького, осиротевшего ежика,
Перенесшего сыпной тиф
И страдающего то ли тучными глистами,
То ли вдохновенными запорами,
Потому что при разговоре
Она корчится вроде бы от боли,
А разговор-то все больше о воинской
Дисциплине.
Правда, говорит только он,
А я с чувством внимаю, внимаю, внимаю
И постепенно осознаю, осознаю, осознаю,
Какой я большой негодяй...

— **Р**о-та-а! Падъ-ем! —

Может, со мной приключится проказа,

И паралич,

Или отвалится нос?

Как после этой команды я по-ни-ма-ю

Чле-на вреди-те-лей,

Источивших на что-то полезное свой

Так умело скрываемый от окружающих

Член...

Тут один почил в бозе,
Не выдержал того, что уволили в запас,
Пил,
Потом язва на десне превратилась в рак.
Перед смертью он сказал:
«Нужно починить часы...»

«Сколько плывешь?»

«Восемь».

«Километров?»

«Часов».

«А бежишь?»

«Двадцать четыре».

«Часа?»

«Ну да».

«Откуда это?»

«От прошлого».

«Зачем это тебе?»

«Так...»

Шизофреники сразу выявляются.

Два дня не прошло, как привезли молодняк из
учебки,

Они, как только лодку увидели,

Так и готово — один есть,

Включил на подюнки и говорит: «Что жя маме скажу?» —

И вниз сиганул,

И схватить не успели.

На подъеме флага выстроились.

Тишина.

Слышно только, как дождинки капают.

Вокруг все серое до невозможности.

И тут верхний вахтенный говорит:

«Порешить бы вас всех».

А у него в рожке тридцать пуль.

Еле успели автомат вырвать —

Положил бы две шеренги:

Плотно стояли.

Утопленника выловили —
Он в ледяную воду сам прыгнул.
Механик быстро-быстро
Делал ему
Искусственное дыхание,
Часто-часто
Дышал — рот в рот,
Взмок весь,
Потом веки ему оттянул
И говорит:
«Готов!»

Лейтенант на крейсере рапорт

Подал:

«Прошу списать меня на берег.

Укачиваюсь».

Ему рассмеялись в лицо,

А он пошел и повесился.

Мы Ленина любили
В начальных классах.
Один только Пашка
Все понимал.
Он в ленинском уголке
Стучал пальцем по картонному мавзолею
И шептал:
«Уль-я-ны-ч, вылезай!»

... Отжимался от пола двести раз.
Но на флоте он совершенно поехал.
И с лодок его списали,
Потому что стал пить.
Он мне все время говорил:
«Меня никто не любит.
Они меня преследуют, следят», — и голос у него срывался,
А я не знал, что ответить,
Как утешить, защитить.
Ему диагноз поставили: «шизофрения, мания преследования»,
Он был, как испуганный ребенок,
Все спрятаться хотел.
Его уволили в запас.
Он уехал к себе и вроде зажил хорошо,
А потом его жена позвонила и сказала:
«Сашу убили...»

А когда под винты затянуло,
Он хотел за ним в воду прыгать,
Его оттащили, навалились и держали,
Потому что вырывался и орал: «Суки!
Он же еще живой!»

Ну и сны снились
На подводной лодке!
Цветные.
И действующие лица те же, что и в отсеках,
И такие натуральные сны, что проснешься
И не знаешь, было все это
Или не было,
И спросить не у кого.
Вернее, можно было спросить,
Только стеснялся:
Еще подумают, что спятил.
Смотрю, как-то напарник входит
Какой-то не такой,
«Ты чего?» — «Ничего».
А потом оказалось,
Что и ему снится примерно то же самое:
Всякая чертовщина.

Тогда и договорились:

Рассказывать и расспрашивать, чтоб узнать,

Что было во сне, а что — наяву.

Входишь и говоришь:

«Слушай, было такое-то и такое?» —

Если нет — значит, сон...

Их готовили для железа,
Приучали постепенно,
И они привыкли, выросли,
Оно вошло в их существо,
В плоть, между жилами,
Это видно было по походке
И по разговорам, и потом
Они ругали его на чем свет стоит,
Так ругают соседей
Или дожди,
Они готовы были бежать с него куда угодно,
И там уже предполагалось
Жить, жить...
Но скоро оказалось, что без него они не умеют.
Когда железо сгнило, они умерли.
Все.

— Раз! Два! —

Это мы учимся сдергивать автомат
С плеча по хлопку старшины
До совершеннейшей одури.

— Раз! — и уже передернул затвор,
Потому что страшно ночью:

Когда идешь на пост,
Все кажется, что смотрит кто-то
Из-за спины.

Я даже сейчас чувствую,
Когда за спиной кто-то стоит,
Всегда оборачиваюсь и смотрю человеку в глаза.
А во сне до сих пор сдергиваю с плеча

По хлопку старшины:

— Раз! — и уже готово.

Скажи: «Два!»

— Два! —

Я уже выстрелил.

Я когда-то рыл могилу за 20 минут
На скорость —
Так мы спорили.
А мы спорили тогда на все подряд,
На всякую ерунду:
Кто проскачет быстрее на четвереньках
Или сильнее проорет —
Потому что были курсантами.
А тут убили офицера —
И нас послали рыть.
А когда долго роешь яму,
То ничего в ней скорбного нет,
И поэтому мы смеялись, и шутили,
И кидались друг в друга
Комьями глины,
Только когда привезли гроб и родню
И начались всякие крики,
Мы отошли в сторонку и надолго там замолчали.

— **В**стать-сесть! Встать-сесть! —

Старшина нас тренирует,

Мы не приняли присяги,

Мы не приняли, но знаем,

Что приказы командира

Или просто размышленья —

Все для нас веленье Родины,

А старшина такой же, как и мы,

Только он попал в училище с флота,

А не просто из школы,

И учимся мы с ним в одном классе,

В том самом, где сейчас мы приседаем,

А в ушах у меня ненависть стучит зелеными молоточками,

А потом, через много лет, он бросится ко мне навстречу:

«Саня!» —

А я никак не могу пожать ему руку,

Потому что в ушах все еще — «Встать-сесть!..»

А на пятьдесят шестые сутки
В автономке
Начинает казаться,
Что все это происходит не с тобой
И люди все какие-то ненастоящие,
А механизмы
Придуманы кем-то.
А потом дотрагиваешься
До кого-нибудь
Случайно,
Чувствуешь тепло —
И отпускает...

На Новый год

Лейтенанты собрались у Машкина в общежитии

И пили шампанское, как гусары, из горла,

Сидя на краю открытого окна,

Свесив ноги с четвертого этажа,

А потом решили бутылки бить.

— Об чего?!

— Об унитаз! —

Раз!

Первая же развалила унитаз до основания

В мелкую крошку.

Полгода надоедали соседям:

— Разрешите у вас облегчиться? —

Летом пошли воровать унитаз на стройке:

В городке ведь не купить.

Обратно шли, надев унитаз Сереге Бажену на голову, —

Так просто удобнее.

Так их, с мраморной головой, и взяла комендатура.

Комендант выслушал эту историю и сказал:

— Отпускаю.

А помощнику своему объяснил так:

— Пусть хоть гадят по-человечески...

Двоих размазало

По переборке:

Их послали сравнивать давление

По вдувной —

Там дырку заделывали

Ну и накачали, конечно, отсек воздухом,

А они решили, что через переборочную дверь

У них быстрее получится.

Они летели по воздуху метров десять,

Пока не превратились в паштет, завернутый в ветошь.

Я теперь просто отношусь

К любой смерти,

В том числе и к своей

Собственной.

Девушка в самолете рассказывает о спасательном жилете:

Как надевать, надувать, куда дудеть,

А я вспоминаю, что у нас их называли подосиновиками,

Потому что оранжевые и сверху среди волн хорошо различаются,

Очень удобно собирать.

Трупосборниками.

Потому что через пятнадцать минут в ледяной воде

Сердце все равно останавливается.

У соседей при выходе из бухты всю швартовую команду смыло

Одним ударом волны —

Так они даже ход не сбросили

И не искали.

Зачем?

И так когда-нибудь подберут.

Не знаю, не знаю,
Откуда берется одиночество:
Ты ведь не один,
Ты в море, на корабле,
И здесь еще сто человек —
И все вы всунуты в железную такую
Штуковину,
Полную всяческих каверз,
А она под водой
Крадется —
И одиночество к тебе тоже подкрадывается:
Вот кольнуло вроде, вот еще...
А я знаю, как с ним бороться:
Нужно прижаться к чему-нибудь спиной,
Сильно,
Потому что оно подбирается
Со спины.

хотения
в одиннадцати эпизодах

***Хочется каких-то
простых
вещей:***

ВО-ПЕРВЫХ

Хочется, чтоб встал утром и солнышко светит, и чтоб тепло и лето, и чтоб каждый день, как заново родился, чтоб радостно и здорово от того, что радостно.

ВО-ВТОРЫХ

Хочется хлеба с маслом и чтоб из рук не вываливался, а если и вывалится, чтоб не маслом на пол, а то потом вечно какие-то крошки выковыривать и всякую ерунду счищать.

В-ТРЕТЬИХ

Хочется, чтоб с разбегу и в море, а вода теплая и в ней рыбки и прозрачное дно, и чтоб нырнул и красивую ракушку непременно отыскал.

В-ЧЕТВЕРТЫХ

Хочется искупать красного коня.

Найти его, обязательно красного, потому что другие купали, о чем и свидетельства имеются, а ты еще нет; так вот хочется искупать и чтоб он мягкими губами у тебя с ладони что-нибудь такое собирал.

В-ПЯТЫХ

Хочется кактусов.

Ты вышел — впереди обрыв, внизу море голубое,
а до моря тропинка вьется, и вдоль нее они же и
растут.

Кактусы.

Мда.

Только не плоские лепешки, а такие огромные
желто-зеленые шары.

Колючие-колючие.

В-ШЕСТЫХ

Хочется нежности.

Очень хочется.

И не только своей собственной, когда ты такой нежный-нежный, но чтоб и тебе.

Чтоб подкрались сзади, обхватили, ворковали, целовали и дети, и не дети.

Женщины или же девушки, например.

А что? Я не против женщин и девушек.

Да.

Я всегда за.

Потому что девушки... ну и женщины, конечно, они же иногда... так здорово выглядят, когда светятся изнутри, и ты в ответ светишься, и тоже хочешь, чтоб изнутри...

А сам чушь молотишь, а может, и не чушь, но молотишь-молотишь...

В-СЕДЬМЫХ

Хочется каких-нибудь невероятных картин, и чтоб всем ясно было, что ты их написал, и чтоб спрашивали: как вам это удалось, — а ты чтоб отмалчивался и скромно пожимал плечами, потому что именно в этот момент ты и обучился необычайной скромности, чего раньше в тебе днем с огнем, но вот теперь — о-го-го!

В-ВОСЬМЫХ

Дочку хочется. Сын уже есть, и он вырос. Он такой большой, что, кажется, и не сын. Он все про свое, а ты ему какую-то глупость, а он тебе в ответ, и разошлись по комнатам, а потом сошлись, виноватые или не виноватые, но не совсем, и столько хочется сказать ему, но слова все какие-то грубые, и лучше бы помолчать или постоять и простить...

А дочку хочется, потому что у нее же такие мягкие волосики должны быть, и еще они виться должны, потому что локоны.

Да.

Конечно, локоны.

И они щекочутся, когда по лицу.

В-ДЕСЯТЫХ

Хочется играть в снежки, когда бежишь,
торопишься, смеешься.

Схватил, слепил, бросил, попал — а теперь
бегом спасаться, а то догонят и намылят шею.

И, НАКОНЕЦ, В-ОДИННАДЦАТЫХ

Хочется в пургу, когда на тебе доха до полу, а потеплело и метет, глаз не открыть, а тебе хорошо и здорово, и рядом ни одного человека — пусто, пустынно.

Находился, зашел в дом.

А это дом в горах, потому что и пурга в горах, а в доме какие-то люди, а тебя от тепла развезло, и ты уже плохо соображаешь, они говорят о пурге, о дороге, о том, что все замело, и теперь ждать непонятно сколько.

Они говорят и говорят, неторопливо жужжат, а у тебя в руках стакан с горячим вином.

Ты его отхлебнул — и сейчас же понимаешь, что нет ничего лучше, и тебя затопила теплота, и голова тянется к столу, упала на руки, и ты уже спишь, а люди все еще слышны, потому что они где-то рядом...

ХОЧЕТСЯ...

Нас иногда железными называют.

Ага.

А Саня на пирсе плакал.

Только я и видел.

Бывает.

После автономки и не такое

Бывает.

Человек сам ничего не замечает.

Идет и плачет.

— Ты чего, — говорю, — Саня?

А он говорит:

— Да так...

Почему-то вспомнил,
Как жена встречала.
Обняла — и мы стояли, стояли
Молча.
А потом как зачирикала,
Не остановить.

Преставился.

Сказали — помер.

Мужик был отвратительный,

Вредный-превредный,

А тут, как узнал, что он концы отдал,

Так даже расстроился.

Не знаю почему.

Потом позвонили и говорят:

«Ошибка! Жив!»

И я подумал: «Вот сука, а?!»

Нужно лечь и сказать себе:
«Не спать, не спать, только расслабиться», —
Тогда обязательно уснешь
Крепко.
Но как только зазвонит будильник —
Резко перекатился с боку на бок
И по нему рукой.
А жена говорит: «Ты меня пугаешь».

Утро. Холодрыга. Залив парит.
Вахтенный, балбесина, уснул
И по корпусу в воду сполз,
Как поплавок.
А я дежурным стоял.
Поднялся наверх —
Слышу сопенье.
Зверь, что ли, никак не разглядеть.
Потом вижу — плывет, чудище,
К штормтрапу.
В валенках, канадке, тулупе, шапке
И автомат на груди.
Ничего не потерял.
Я ему: «Купаешься, что ли?»
А он мне: «Ну-у...»

Авария случилась
С выбросом углекислоты.
А при пяти процентах
И дышится чаще,
И в жар бросает,
И я подумал: «Стоп! Только без паники», —
Потом пошел к начальству.
«Что?» — спросило начальство.
«Лучше бы всплыть», — сказал я.

Первокурсниками

мы очень любили своих командиров отделений —
комодов.

Они были с третьего курса
и, казалось, все знали наперед,
всегда такие уверенные в себе
и во всем.

Это обожание не проходило даже тогда,
когда они нас наказывали.

Я все это вспомнил почему-то сейчас,
когда на меня смотрит столько матросских глаз.

В них надежда.

Ее нельзя обмануть.

А мне страшно, потому что
нужно посылать их в огонь
и самому туда за ними идти...

Эй! Вы!

Не сносить вам головы!

Не сберечь вам тела,

Теплого, злого, верткого,

Упрямого,

Пахнущего задохнувшейся рыбой...

Боль у плеча,
А потом до локтя,
И кисть немеет.
Это груз сорвало, —
И он на вахтенного.
Его-то я успел оттолкнуть,
А сам вот...
Задело...
Ееееб...т...

Согнуться,
Выбросить руки,
Схватиться за поручни,
Послать туловище вверх,
Опять согнуться,
Выбросить,
Схватиться,
Послать,
И еще, и еще раз...
А потом вдруг понимаешь,
Что ты давно уже...

Свист — и как по пирсу лупануло!
Штормовое предупреждение, —
И нас послали швартов ослабить.
Только подошли – он лопнул,
Перед глазами просвистело.
Первое, что сказали:
— Ну, блядь!..

Соленую воду пили, —

Глупость, конечно, —

Сделали по два глотка.

— Чего ж вы остановились, товарищ лейтенант?

Допивайте — и будете настоящим подводником...

Первое в лагуне несут,
А оно колышется.
Сверху комбижир.
В два пальца.
Я как посмотрел, —
Так блевать и потянуло...

Голоса слышу
Часто.
Шепот, клекот —
Не разобрать.
Мы переборку задраили,
Как полагается при пожаре,
И они там остались.
Сначала кричали,
А теперь я голоса слышу...

Качает! Сутками! Вверх – вниз.
Уже желчь одна изо рта идет.
Сначала мне казалось, что с ума сойду.
А потом придумал:
Нужно бабу себе представить,
И как ты ей вставляешь.
Еще и еще раз,
И в рот,
И в глаза...

Торпедолов перевернулся.
Они собрались в пузыре.
Из них только один
Всплыл.
И не потому, что там десять метров
По затопленным коридорам
Плыть нужно было,
А потому, что сразу для себя решили:
Все!

Ничего нельзя трогать
Просто так в отсеке.
От этого — взорвешься,
От того — утонешь,
А так?
А так и вовсе сгоришь.

Если смочет в жилете,
То чайки все равно нападут
И обклюют череп
До костей.
Может, и врут про это,
Но только чайка-бургомистр
Пакет с мусором здорово разрывает
И крысу убивает
С одного удара.

Я — одиночка.

Мне и одному хорошо.

Я себя так приучил.

Только в драке иногда

Спина холодеет,

И тогда мне бы хоть кого,

Чтоб ее прикрыть.

Иногда, словно заторможенность какая-то, сидишь и смотришь на комья каши в тарелке и думаешь: вот она будет кашей и завтра, и послезавтра, так что лучше, наверное, смотреть на вот этого парня напротив, он тоже будет и завтра, и послезавтра, но в отличие от каши тут хоть можно изучать его лицо, что ли, или нос, или кожу на носу, она ноздреватая, и если уменьшиться самому до размеров микроба, то эти поры на коже превратятся в лунные кратеры. Забавно было бы, наверное, скатываться по стенкам этих кратеров.

После этой мысли ты улыбаешься и говоришь этому парню:

— Здравствуй!

Хотя до этого вы с ним год ни о чем не говорили, не знакомились и ты даже не знаешь, как его зовут.

И, о чудо, в ответ он тоже улыбается и тоже говорит тебе:

— Здравствуй!

У нас база лежит между скал, как холодец в тазу,
Оттого-то все и слышно.

Петров швартовался.

А когда Петров швартуется, тогда деревья гнутся и
скалы от мата звенят.

Часа полтора это все происходило, потому что
буксиры его совершенно не понимали.

А на пригорке жены и дети стоят, которые пришли
своих пап с моря встречать.

Ну и слушают все.

Естественно.

А командующий у нас сам не последний на флоте
матерщинник и знает, что к чему.

Ну и заложили ему все это в лучшем виде.

Вызывает он Петрова.

А тот, пока шел, исстрадался весь: «За что? За что?»

Входит, — и командующий ему:

— Владим Семеныч... вы, говорят...
материтесь?!!

А тот с порога:

— Пиззздят! Товарищ командующий, пиззздят!..

— **Д**авай! Полезай!

— Куда?

— В говно!

— Так просто?

— Нет, туфельки одень!

Это мы цистерну грязной воды чистили.

Голыми руками.

Вы знаете, я послан на эту планету в командировку.

Я спросил только: «Надолго?»

И мне сказали: «На одну астрономическую секунду».

Времени, как видите, немного, и поэтому меня здесь все должно радовать: красный цвет, люди ходят не на четвереньках, и едят они, по всей видимости, не целлофановые пакеты.

А воздух-то какой вкусный, Господи! Боже ж ты мой! Какой тут воздух! Просто бальзам, а не воздух. Уф-а! Уф-а! Хочется все время дышать.

И вода!

Вы видели где-нибудь во Вселенной столько воды? Нет, вы не видели нигде во Вселенной столько воды, да и не могли видеть.

Можно было бы, конечно, воплотиться в дельфина, и тогда я все время был бы в воде, но в этом случае командировка, я думаю, была бы в пять раз

короче и я не смог бы играть с ведущим всей этой затеи в шахматы.

А так мы с ним играем.

— Вам шах, протоплазма! — говорит он мне.

— Ах, — говорю я ему, — ваше

Превосходительство, какой ловкий ход! -

СОДЕРЖАНИЕ

- 9 Испытывали изолирующий противогаз...
- 10 Веню волной стащило за борт...
- 11 Когда вы преодолеете...
- 12 Если корабль стоит на ремонте...
- 13 — Портрет вождя перекосяблен...
- 15 «На безрыбьи и жопа пирожок!»
- 16 На строевых занятиях...
- 17 В автономке...
- 18 Офицеры...
- 19 Цепляясь за скалы краями...
- 20 — Вставайте, кислорода нет!
- 21 Я на ощупь могу определить...

23 ПУРГА

- 32 Коломбина, Коломбина...
- 33 На кактусе живет тля...
- 34 Капает. Сквозь сон я ясно слышу...
- 35 Говорил помощнику...
- 37 У тебя же был пожар...
- 38 Больно... Тисками сжимает...
- 39 Тепло — это внутри...
- 40 Ой вы, горы-горы...
- 41 В соседней роте нашли вора
- 42 А что вы думаете...

- 43 Самые трусливые...
44 Другие люди вокруг...
45 Сердце тюкает...
46 Протискиваюсь между трубами ...
47 У подводной лодки железные внутренности...
48 Траву люблю...
49 А вы знаете, как трудно...
50 Вот стою и изучаю...
51 — Ро-та-а! Падъ-ем!
52 Тут один почил в бозе...
53 «Сколько плывешь?»
54 Шизофреники сразу выявляются
55 На подъеме флага выстроились
56 Утопленника выловили...
57 Лейтенант на крейсере рапорт...
58 Мы Ленина любили...
59 ... Отжимался от пола двести раз.
60 А когда под винты затянуло...
61 Ну и сны снились
63 Их готовили для железа
64 — Раз! Два! —
65 Я когда-то рыл могилу за 20 минут...
66 — Встать-сесть! Встать-сесть! —
67 А на пятьдесят шестые сутки...
68 На Новый год...
70 Двоих размазало...
71 Девушка в самолете рассказывает...
72 Не знаю, не знаю...

73 ХОТЕНИЯ В ОДИННАДЦАТИ ЭПИЗОДАХ

- 82 Нас иногда железными называют
83 Почему-то вспомнил...

- 84 Преставился
- 85 Нужно лечь и сказать себе...
- 89 Утро. Холодрыга. Залив парит
- 90 Боль у плеча...
- 91 Согнуться...
- 92 Свист — и как по пирсу лупануло!
- 93 Соленую воду пили...
- 94 Первое в лагуне несут...
- 95 Голоса слышу...
- 96 Качает! Сутками! Вверх – вниз
- 97 Торпедолов перевернулся
- 98 Ничего нельзя трогать...
- 99 Если смоев в жилете...
- 100 Я — одиночка
- 101 Иногда, словно заторможенность...
- 102 У нас база лежит между скал...
- 104 — Давай! Полежай!
- 105 Вы знаете, я послан на эту планету...

Покровский А. М.
П 48 КАЮТА, книжка записей — СПб., ООО
ИНАПРЕСС, 2001, 112 стр.
ISBN 5-87135-133-6

Новый сборник Александра Покровского — известного петербургского прозаика, автора книг «РАССТРЕЛЯТЬ», «72 МЕТРА» и других — включает в себя собрание кратких текстов, поименованных им самим «книжкой записей».

Это уклончивое жанровое определение отвечает внутренней природе лирического стиха, вольной формой которого виртуозно владеет А. Покровский.

Сущность краевого существования героя «в глубине вод и чреве аппаратов», показанная автором с юмором и печалью, гротеском и скорбью, предъясняется читателю «КАЮТЫ» в ауре завораживающей душевной точности.

Жесткость пронзительных текстов А. Покровского будто возводит заново на наших глазах конструкцию мистической субмарины, где ни одно поколение сынов Отечества оставило лучшие годы.

Отрывки из этой книги публиковались в журнале «Новый мир».

АЛЕКСАНДР ПОКРОВСКИЙ
КАЮТА

книжка записей

Сдано в набор 15.01.2001. Подписано в печать 06.04.2001.
Формат 70×90/32. Гарнитура Arial. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 4,2. Уч.-изд. л. 9. Тираж 6500 экз. Заказ № 630.

Издательство ООО ИНАПРЕСС. СПб., Невский пр., 74.

e-mail: inapress@peterlink.ru

ЛР № 062759 от 04.07.1998.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Новый сборник
Александра Покровского —

известного петербургского прозаика, автора книг «...РАССТРЕЛЯТЬ!», «72 МЕТРА» и других — включает в себя собрание кратких текстов, поименованных им самим «книжкой записей».

Жесткость пронзительных текстов А. Покровского будто возводит заново на наших глазах конструкцию мистической субмарины, где ни одно поколение сынов Отечества оставило лучшие годы.

Отрывки из этой книги публиковались в журнале «Новый мир».

ISBN 5-87135-133-6

